

Ресурс Удава :: Смотри·слушай :: Музыка на Удаве :: Лев Рыжков - Сергей Летов: Братец Игорь (часть I)

С самым скромным из великих саксофонистов мы встречались дважды. Первая встреча случилась в «переговорке» РИА Новости. Вторая – в слегка удушливом хипстерском пабе где-то на Большой Никитской. Во втором случае автору составлял компанию и помогал вопросами кинорежиссер Дмитрий Федоров. Официальная версия интервью опубликована здесь: <http://www.newskaz.ru/comment/20151113/10216958.html> и здесь: <http://www.newskaz.ru/culture/20151116/10231590.html> Официальная версия почти никак не совпадает с тем, что вы прочтете далее. В предлагаемом ниже тексте содержатся наиболее острые и провокационные моменты более, чем трехчасового, диалога. Сергей Летов раскрыл нам многие секреты и (чего уж там скромничать) сенсационные детали жизни своего брата Игоря Летова – фронтмена группы «Гражданская оборона».

Секрет одного псевдонима

Вы родились в Семипалатинске. И как раз в это время там действовал ядерный полигон. Это соседство как-то отразилось на вашей жизни?

Я получил свою основную дозу внутриутробно. Дело в том, что договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере был подписан в сентябре или в августе 1956 года. А я родился 24 сентября 1956 года. То есть, пока меня мать вынашивала, происходили взрывы в атмосфере. Родители смотрели на грибовидное облако, видели его.

Держались за руки?

Да, его видно было в Семипалатинске. Взрывы до 1956 года были в атмосфере, а после 1956 – только под землей. Все люди получали радиацию. А я - внутриутробно, со своей мамой. А после 1956 года радиация была только из-под земли, только какие-то утечки. Наверное, уже в значительно меньшем объеме. Сам я взрывов уже, конечно, я видеть не мог.

Но, наверное, слышали о них?

Да, о ядерных испытаниях мне очень много рассказывала бабушка. Но она не очень все это понимала. Образование у нее было дореволюционное. О радиации она совсем ничего не знала. И очень печалилась, что сразу после проведения испытаний, до первых дождей, заставляли снимать помидоры. А они - не вызревали. И зеленые помидоры держали под кроватями. Стелили газеты, и на них был собраный по секрету урожай. Мама рассказывала мне, что у всех брали кровь на анализы. А результаты – никому не говорили. Засекречивали.

Подпись: «Мама, бабушка и я. Примерка пальто, перешитого для меня из отцовского кителя. Семипалатинск, дом на берегу Иртыша»

Отец рассказывал, что ударной волной выбивало стекла в доме. Из печки выбрасывало угли, а потом горячий воздух эти же угли втягивал обратно. Часто повреждалась крыша. Ее приходилось чинить.

Моя бабушка умерла от рака, мать умерла от рака. Тетя была прооперирована, жива до сих пор, и ей уже 90 лет. Но, видимо, радиация не всем так вредит. Моему отцу, например, сейчас 89 лет, он был военным, и тоже подвергся всему этому. Значит, на кого-то это действует, а на кого-то - в меньшей степени. Возможно, для кого-то это - губительно, а кто-то может выживать.

В то время ни говорить, ни писать об этом не разрешали. И о том, что Семипалатинск был выбран потому, что он соответствовал по архитектуре и численности населения японскому городу Хиросима, мы узнали уже значительно позже - после Чернобыля.

Подпись: «Отец держит меня на руках, на фоне нашего домика в Семипалатинске. 1957»

На вашем здоровье полученная доза отразилась?

Я, начиная с четырех лет, непрерывно болел. Непрерывно! Всеми болезнями. У меня диагностировали хроническую пневмонию. Я научился читать в больнице. У меня все было, видимо, поражено радиацией. Ну, и иммунитет оказался очень слабый. Состав моей крови в детстве был совершенно аномальный. И было не очень понятно – отчего это? Но как-то постепенно в возрасте 14-15 лет, мне удалось справиться со всеми болезнями. Я их перерос.

На Игоря радиация тоже повлияла?

Игорь родился чрезвычайно больным человеком, и очень-очень много болел практически все свое детство. Даже еще тяжелее, чем я. Я сейчас практически уверен, что болезни моего брата – в значительной степени результат облучения, которое получила моя мать в 50-х годах. У него была то ли недостаточность поджелудочной железы, то ли почечная. С детства много разных болезней. И в результате каких-то процессов, во время кризиса, сахар в крови начинал перерабатываться в ацетон. От Игоря довольно сильно начинало пахнуть ацетоном. Ну, и сахар в крови падал – он терял сознание. И – реанимация, клиническая смерть. Таких смертей было больше десяти. Полтора десятка. Когда с Игорем случались приступы, мы с отцом вызывали «скорую» и выносили Игоря. Мы жили в хрущевке. И мы на простынях, по коридорам – я и отец – его несли. У Игоря в детстве был очень плохой вестибулярный аппарат. И когда его выписывали из больницы, он не мог ехать ни на такси, ни на другом транспорте. Мы с отцом его несли по городу на себе.

Подпись: «Мускетер, Омск»

А вы его насколько старше?

На восемь лет. А Игорю было 5-6 лет. А я тоже подростком мальчиком был, но, тем не менее, отец, чтобы передохнуть, сажал мне его на шею. И мы вот так вот шли километрами, его несли из больницы.

Мне, например, понятно, почему он себя называл «Дохлым». У его друга Кузьмы была кличка УО – «умственно отсталый». А Игорь был «Дохлым». Конечно, я думаю, его так в школе звали, раз он не ходил на физкультуру, и был от всего освобожден – от армии, вообще от всего.

Подпись: «Играем в железную дорогу, Омск»

Будущая гордость семьи

У вас же в Омске был хулиганский район. Игоря там не обижали?

Я не знаю. Но вообще, пока он был совсем маленький, у него был старший брат. А вот в таких бандитских местах, как Чкаловский поселок города Омска, наличие старшего брата, тем более на восемь лет старше – это вообще страшный авторитет. Это значило, что тебя просто не будут месить ногами каждый день.

Подпись: «Омск, лето 1976»

Чкаловский поселок, где мы жили, где живет мой отец – это самый неблагополучный район Омска. Там давали квартиры уркам, вышедшим после заключения. Была разнарядка – по одному в подъезд. И у меня были одноклассники из таких. Они, как правило, ничему не учились, были в отказе. Занимались только тренировкой ударов на одноклассниках. Подходили: «Ну-ка, встань!» Били в живот, смотрели. На учителей плевали, смеялись, мочились на уроке химии в колбы. А были какие-то внешние, визуальные приметы у Чкаловского поселка? Хрущевки. С одной стороны – сады. И у нас там был сад, дачный участок. С другой стороны лес опоясывал, березовая роща. А с третьей стороны – заводы какие-то. И за березовыми рощами, на территории самого поселка – бывший военный аэродром. На территории поселка была воинская часть, в которой служил мой отец.

Игоря воспитывали строго?

Игоря с детства никто никогда не наказывал. Ни за что! Он был освобожден от любых форм домашнего труда. Он не ходил за хлебом, не мыл пол, не убирал постель. Игорь был как господин в мире слуг. Он и привык к такому отношению. Ввиду болезней. Его не заставляли делать уроки. Поэтому он не окончил среднюю школу. Он не сдавал экзамены. Ему выдали справку, что он прослушал курс средней школы. Поэтому он не

мог поступать ни в какой вуз.

Подпись: «Омск, лето 1976»

И пошел в ПТУ?

А куда? Для техникума у него не было законченного образования. От уроков физкультуры он был освобожден. Ни в футбол, ни во что-то еще – не играл.

Отношения Игоря с родителями как складывались?

Очень плохо. Игорь был, конечно, любимый ребенок. Когда я уже жил в Москве, а Игорю было где-то 14-16 лет, мать мне писала письма, что не может с ним справиться.

В чем выражалось? Пьянствовал?

Да, Игорь начал выпивать и, выпивши, становился очень агрессивным. Кроме того, он громко слушал музыку и мешал родителям смотреть телевизор. В общем, у них тлел постоянный конфликт. А мама проявляла дома жесткий характер. Она была глава семьи. Она не терпела никаких противоречий или несогласий.

Мама сообщала в письмах, что Игорь терроризирует весь дом: обещает убить собаку, обещает убить кота, разбить телевизор. Мама писала: «Забери его! Он слушает только тебя. Ты для него – единственный авторитет». Игорь был очень трудным подростком.

А сейчас отец как его вспоминает?

Сейчас отец уже ничего плохого об Игоре не говорит. Как-то у людей с возрастом постепенно уходит из памяти весь негатив. Остаются только положительные моменты. Тем более, Игорь стал известным музыкантом, и отец им гордится. Мой отец был политработником советской армии. Их с Игорем мало что объединяло вплоть до 1993 года. До этого времени они были в абсолютной противофазе. Игорь всегда относился к отцу довольно

сложно.

А что Игорь тогда любил из рока?

«Машину времени», «Воскресенье». Ну, какие-то американские, английские группы.

«Машину времени»? Как так?

Да-да. Он присылал мне тексты, переписанные от руки.

И вы его забрали в Москву?

Да. После десятого класса Игорь приехал ко мне, в Москву, поступать в строительное ПТУ.

Его университеты

Как Игорь тогда выглядел?

Ну, волосы у него тогда были не очень длинные. Потом он их стал отпускать. Он сделал себе прямой пробор, посередине.

Он называл себя хиппи?

Да нет. На самом деле, мы хиппи просто симпатизировали. Насколько я знаю, он к ним ходил на Гоголя. Сидел там с ними. Но это была симпатия издали. Тот мир все-таки был другим.

Игорь жил у меня, в деревянном доме, в поселке силикатного завода, на первом этаже. Вокруг обитали довольно агрессивные пролетарии, которым не нравилось, что какие-то типы в гости приезжают, явно из Москвы, с длинными волосами, с бородами. Такие люди вызывали сильное отторжение. Мы же жили в Люберецком районе. Так что с соседями было нелегко. В какой-то борьбе этот год прошел.

Подпись: «Игорь в Красково, поселок Корневского Силикатного завода»

А в ПТУ Игорь поступил?

Да, в строительное. Ему выдали каску, форму и какое-то питание бесплатно предоставили. На занятия он практически не ходил. Ну, может, одно-два посетил. Занимался вместо этого музыкой, со мной. Учился играть на ударных инструментах у Михаила Жукова, моего приятеля, который вывел меня на сцену впервые впоследствии, в 1982 году.

Подпись: «Игорь в строительной каске, выданной в ПТУ. Изолентой на каске Игорь наклеил буквы ОИМ - «Оркестр Нелегкой Музыки», квартет, в котором играли братьям Жуковы и Летовы»

А у Жукова был брат, который играл на саксофоне. И вот получилось, что два брата Летовых и два брата Жуковых. С нами играл паренек на виолончели. Такой был как бы ансамбль. Репетировали в доме культуры «Москворечье», на Каширке. Мы туда ездили со всеми инструментами и играли, занимались с ним вместе.

Подпись: «Михаил Жуков и Андрей Жуков (с тенор-саксофоном), С. Летов в клубе Рокуэла Кента (красный уголок в подвале общежития МИФИ на Каширке), Красково»

У Игоря уже была установка?

Не было никакой установки.

А на чем же он играл?

На перкуссии. На каких-то коробочках. Ну, в общем, там были какие-то самоделки, интересно звучащие, которые создавал Жуков. И в какой-то момент Игорь сказал: «Мне надоело на этих коробочках и штучках играть. Я хочу научиться на каком-нибудь музыкальном инструменте». Я говорю: «А на каком ты хочешь?» «Ну, на настоящем. Хочу на бас-гитаре научиться играть». «Ладно, будет тебе бас-гитара».

Вскоре после этого в Питере я спросил у Андрея Тропилло: не продает ли кто-нибудь бас-гитару? Тропилло сказал, что есть бас-гитара Рекшана.

Это который из группы «Санкт-Петербург»?

«Санкт-Петербург», да. Это очень известный музыкант. Я Игорю купил билет «Москва-Питер». Или он сам купил? И, в общем, он в общем вагоне туда уехал. И на следующее утро вернулся, везя с собой бас-гитару болгарскую «Орфей». И такой вот вертикальный комбик. Все это вместе стоило 100 рублей. И эта бас-гитара хранилась у Игоря. Когда Игорь умер, она в его комнате, была. Полуакустика. Но вообще тогда инструменты ценились. Не советская, импортная бас-гитара!

Впоследствии я самого Рекшана спрашивал. Он мне сказал, что никакого Игоря не помнит, и никакую гитару он моему брату не продавал. Может быть, это кто-то по его просьбе продавал.

Подпись: «Бас-гитара “Орфей” и комбик. Красково, в моей квартирке в поселке Силикатного завода»

Играть он быстро научился?

Буквально сразу же после приобретения гитары мне удалось вписать Игоря в музыкальный проект. В Москву приезжал Курехин. И мы играли вместе в подвале общежития МИФИ. На барабанах Африка. На гитаре играл, по моему, Александр Костырев – московский гитарист. А на бас-гитаре играл Игорь. Я Игоря привел с инструментом. Костырев ему показал пальцы, какую-то фигуру: «Вот ее и играй». И вот состоялось наше выступление.

То есть, дебют вашего брата на сцене состоялся с «Поп-Механикой»?

Это еще не была «Поп-Механика». Это был небольшой курехинский проект «Crazy Music Orchestra». Но это был первый выход Игоря на сцену – такой официальный, с публикой. Но это, конечно, подпольный концерт.

А еще были проекты?

Был такой танцовщик (точнее - хореограф) Мартынов. У него в начале 80-х был очень причудливый Театр пластической драмы. Танцовщики помимо танца занимались восточными единоборствами. Среди них был вьетнамский мастер боевых мечей и копий. И они репетировали какой-то

буддийский танец. Помню, Мартынов бил шестами танцовщиков. А мы пробовали в этом проекте импровизировать. Я с саксофоном, а Игорь на ударных или (я не помню) с бас-гитарой.

За время его жизни в Москве я сумел его со многими людьми познакомиться. Например, с композитором Софьей Губайдуллиной. У меня есть фото, где они сидят рядом. Он ходил на концерты каких-то фри-джазовых проектов. Например, «Поезд ушел». Это рижская рок-авангардная группа. Он познакомился с художниками-концептуалистами. Например, с Виктором Николаевым, с Константином Звездочетовым.

Подпись: «Справа Татьяна Диденко, слева от нее - Софья Губайдулина, рядом с ней Игорь - перед ним магнитофон. Справа от колонны, за Игорем в тубетейке виден А. Липницкий и справа от него в черных очках Борис Гребенщиков. Вдали крайние слева критики Дмитрий Ухов и Алексей Баташов. Москва, 1982»

У Игоря получалось находить общий язык с богемой?

У меня создавалось впечатление, что он чувствовал себя не в своей тарелке. Мир московского художественного андеграунда ему не нравился. Игорь вырос в Чкаловском поселке, среди шпаны.

Душа не лежала?

Видимо, нет. Но аргументированно возразить мне он не мог. Какие-то трения между нами тогда наблюдались. Он как-то особенно в спорах мне не возражал, но все время обозначал свое несогласие. По большинству вопросов он со мной был не согласен. Но активно не спорил. Видимо, я как-то подавлял его. Возможно, он стремился как-то из-под этого давления выйти. У него была идея своя. Он хотел играть рок-музыку. А я ее, честно сказать, не любил.

Ну, вообще, у нас с Игорем всегда напряженные отношения были. Ну, всегда не всегда, но это было какое-то соперничество. Игорь всегда мне

что-то пытался доказать, и все время оспаривал. Но, видимо, аргументов у него было мало, пока он был совсем молодым. Ну, я имею в виду, когда ему было 17 лет. Когда он уже стал известным, благодаря «Гражданской обороне», то у него, конечно, веса прибавилось. Но при этом как бы у нас были разные ценности в жизни.

В Москве Игорь выпивал?

Нет. Совсем. Вот для меня это действительно странно, что родители жаловались. А он приехал в Москву, и он вообще ничего не пил.

Игорь себя называл панком?

Всегда! Более того, он считал, что «панк» - это высшая похвала. Он, например, считал, что Губайдуллина – это панк. То есть, панк – это для него было что-то самое-самое. У него было представление, что панк – это какой-то такой революционер-нонконформист, который отрицает мир попсы. Примерно до 2000 года Игорь и был революционером.

Почему Игорь уехал из Москвы?

Игоря исключили из строительного ПТУ. И более того – потребовали вернуть деньги за питание, сдать форму. И родители написали мне, чтобы Игорь возвращался в Омск. Они надеялись, что я повлияю на него положительно. Что он будет со мной учиться. А я, значит, никак не повлиял. Игорь прогуливал, ничего не делал. И было решено, чтобы он немедленно ехал домой.

Он забрал все: фотоувеличитель, потому что он тогда увлекался фотографией. И он вот уехал – он все забрал: бас-гитару, то-сё. И на поезде, в плацкарте, уехал в Омск.

Песен Игорь тогда не пел?

Он начал тогда у меня стихи писать – такие верлибры, в тетрадке в клеточку.

А где же та тетрадка?

А я вот и не помню. Мне кажется, что она у меня. Но, вообще, я не знаю точно.

Время гонений

После вашего педагогического «фиаско» вы с Игорем поддерживали отношения?

Он уехал. И мы некоторое время, после отъезда, переписывались. Он мне посылал свои первые записи. На маленьких катушечках, с очень плохим звучанием. Я показывал это своим друзьям из более, скажем так, образованных кругов. Реакция была в основном негативная. Достаточно сказать, что и Борис Гребенщиков, когда узнал, что я играю в группе «ДК», меня обзывал дураком. Поэтому показывать ему «Гражданскую оборону» я просто не решался.

А вы его какими-то записями снабжали?

«ДК». Про «ДК» он меня, конечно, спрашивал, потому что я в этой группе играл. Это – единственная рок-группа, которая мне нравилась. Потому что

я в то время, например, имел опыт игры в группе «Центр». И я бы не сказал, что это на меня произвело какое-то впечатление. А вот «ДК» - это да. Это и мне было интересно. В общем, я Игорю рассказывал обо всем.

А у Игоря были какие-то друзья в Чкаловском поселке? Может, какая-то плохая компания?

Да, конечно. У него были друзья. Это музыканты – братья Лищенко. Потом Кузьма Рябинов. Они все – ну, я не знаю про Кузьму, но остальные все участники «Гражданской обороны» - они все его предали. Ну, может быть, это, конечно, провокация была спецслужб. Но Игорь мне рассказывал как раз, когда в дурдоме был, что ему показывали показания всех участников группы. И все от него отказались. Все ему изменили.

А как Игорь попал в психиатрическую больницу?

Я в какой-то момент заметил, что не приходят письма от Игоря. Перестали. Так он писал мне чуть ли не одно письмо в неделю. В то время я жил без телефона, и позвонить мне было трудно. В поселке был один телефон на 15 тысяч жителей. И позвонить мне Игорь не мог. А мне, чтобы позвонить в Омск, нужно было идти на переговорный пункт, заказывать разговор. В итоге я так и поступил. Поинтересовался у родителей: что с Игорем? Они мне что-то очень уклончиво ответили. Похоже, что по телефону говорить они боялись. И я даже не помню, как я об этом узнал. Может быть, в письме от родителей. Но, дело в том, что их письма тоже как-то перехватывались, и до меня не доходили.

Но вот картина прояснилась. И что вы сделали?

Когда Игорь сидел в дурдоме, я решил с ним увидеться. Для этого я оформил командировку в Новосибирск (а я работал в институте авиационных материалов), приехал туда. Отметил командировку, поселился в общежитие, тихонько собрал портфель и уехал на поезде ночью в Омск.

Там отец мне рассказал, что как только Игоря забрали в психиатрическую лечебницу на черной «волге». Наша мама сама была врачом, работала до этих событий в поликлинике 4 управления. Естественно, она обзвонила знакомых психиатров, выяснила, где находится Игорь. Мама в то время работала, весной и осенью, в призывной комиссии, занималась отбраковкой призывников. А у психиатров тоже дети есть. И тем тоже в армию идти...

В общем, ничего объяснять не надо.

Да-да. Ничего объяснять не надо. Мама поговорила с коллегой. Та сказала: «Игорь у меня. Поместили его». Сказала: «Ничего он пить не будет, никакие таблетки, кроме витаминов ему не дают». Так и было, насколько я знаю.

То есть, его не закалывали? И история про сверхинъекции аминазина – легендарная?

Да. Ничего такого не было. Кроме того, Игорь обязался в этой психушке мыть полы, за что был премирован ежедневными прогулками на свежем воздухе. Отец приезжал на такси с гражданской одеждой. Игорь переодевался, уезжал домой, слушал рок у себя в «ГрОб-Рекордс» часа три. Или, не знаю, встречался с кем-то. И также, на такси, уезжал. И вот приехал я к родителям. Отец съездил, привез его. Мы с ним

пообщались. Он рассказал: каково там, в этой дурке. У него, кстати, и диагноз был «суицидальный синдром». Это и давление спецслужб было, майора Мешкова, который герой песни «Лед под ногами майора». Вы знаете, всех тех событий я в подробностях не помню. Прошло много времени. И потом – это была такая ситуация, скажем, стрессовая. И такие моменты у меня из памяти изглаживаются. С большого перепугу. Однажды, примерно в то же время я очень опасался обыска. И я кому-то из друзей всю литературу нелегальную, которая у меня была, отдал на хранение. И напрочь забыл - кому. И до сих пор не могу вспомнить. Сейчас эти журналы имеют большую ценность. У меня там много всего было. Я все, что могло быть против меня, кому-то отдал. И сразу забыл кому. Вечером следующего дня я вернулся в Новосибирск. Вряд ли я кого-то сильно обхитрил. Но у меня появился план спасения Игоря.

Продолжение следует
Фото из архива Сергея Летова